

Банальность и ужас

Н. Н. Мурзин

Странная история приключилась со мной, когда Павел Дмитриевич Тищенко делал на нашем семинаре доклад «Метафизика диктанта».

Я был – хотите верьте, хотите нет – в совершеннейшем восхищении. Где-то за двадцать пять минут (а это, по стандартным меркам наших докладов, смешное время) человек необычайно емко, последовательно и убедительно изложил свои тезисы, преподнося их с остроумием, порой афористически четко. Я сидел, слушал Павла Дмитриевича и завидовал – чеканности, отточенности фраз, прозрачности мысли, изящно введенным хайдеггеровским мотивам. Когда докладчик закончил, и мы перешли к обсуждению, я открыл рот, приготовившись вывалить на Павла Дмитриевича все мои созревшие к тому времени увесистые/развесистые комплименты.

Но почему-то вместо этого я начал сбивчиво и отнюдь не столь красиво, как это получилось у докладчика и как это планировал я сам, возмущаться тем, что услышал. Я сам не понимал, что происходит. Я-то собирался выступить совсем в ином ключе. Но к тому моменту, когда стало понятно, что остановиться и переключиться у меня не получится, я уже сам себе не верил.

За чем же дело стало? Светлана Сергеевна Неретина в своем отзыве передала содержание доклада, но мое возмущение вызвало не содержание его, а *настроение*. Мне вдруг захотелось заявить, прости Господи, прямо как незабвенный Владимир Ильич Ленин, а именно, сказать докладчику: по форме-то правильно, а по существу выходит безобразие. Смех и грех. Никто же не спорит, что диктант – прекраснейшая, полезнейшая вещь. И память тренирует, и прилежанию учит, и внимание-вняти пробуждает. Опять же, доносит до школяра нехитрую мысль о том, что эмпирический базис всякой мысли – текст, не продерешься сквозь него – ни к чему не придешь. Все так. И все это замечательно.

Неприятно задевает другое – такие, знаете ли, интонации и обертона, до боли знакомые. Мол, надоела вольница сочинений, растит вдохновенных неучей, у которых за душой полторы куцых мыслишки, а на уме при этом – одно сплошное «самовыражение». То ли дело строгая добродетель диктанта с его метафизической глубиной – диктующий, а вслед за ним и диктуемые, т. е. те, кому диктуют, заняты вовсе не тупой долбежкой, нет – они участвуют в мистерии отказа от собственных глупых «я» с их поверхностными привнесениями и самовыражениями, они растворяются в строгом строе некой неопределенно-личной мысли/текста, вдумчиво внимая которому, они только и способны наполниться каким бы то ни было культурным – и не только – содержанием. Стать большим, чем каждый по отдельности, целым. Стать звеном в цепи традиции.

Худшая ложь, как известно, полуправда. Ведь начнешь с этим спорить – а я, на свою голову, не удержался – как тут же получишь в ответ разведенные в удивлении руки и назидательную банальщину: ну, вы же не будете возражать, что никто не рождается умным, знающим, образованным, что все это надо сначала человеку передать, а чтобы лучше передалось, он должен послушненько так сидеть и слушать, а не топтать ногами и настаивать на том, что он *уже* умный, знающий, образованный и имеет право на самовыражение. Ну да, ну да.

Однако этот средней паршивости *Zeitgeist*, его унылое и подспудно угрожающее «сиди и пиши, что умные люди до тебя сказали, больше от тебя ничего не требуется», не дает мне покоя. Угнетает ведь даже не мысль – угнетает то, как созвучна она времени, которое, как ему кажется, истосковалось по добродетелям диктанта, по диктовке и всему, что под диктовку делается. По неопределенно-личному тексту, спускаемому сверху. По «великим» людям, которые уже давно все за тебя продумали. По «преемственности» и

«традиции». Может, я и параноик, но иногда, когда связь времен рвется, ее лучше не восстанавливать – так мне кажется. Да, «вода». Да, эмоции. А что, всерьез с этим разбираться? Только придавать ненужной убедительности.

Но если все-таки всерьез. Вместо философии нам предлагается некий аналог wishful thinking, выдачи желаемого за действительное. В чем я в принципе согласен с Павлом Дмитриевичем – что «сочинение» и его добродетели тоже вымышленные, что это тоже всего-навсего установка: «как мне хочется, чтобы было». Столкнулись две схемы. Причем столкнулись в нашей собственной недавней истории. Павел Дмитриевич, как и многие наши соотечественники и современники, выбрал схему «диктант». Схему легко узнать – она, как правило, связана с очень приятными представлениями о действиях, прибегая к которым, легко достигнешь целей, априорно полагаемых самоценными. Диктант и связанная с ним добродетель слушания/послушания – замечательная схема. Якобы именно она дает доступ к сокровенному, к смыслу. А иначе промахнешься, пролетишь мимо. Собственно, измени Павел Дмитриевич модальность доклада, поставь он себе задачу беспристрастно рассказать о том, что происходит с человеком, когда он пишет под диктовку – как он слушает; как воспроизводит; какую роль при этом играют запоминание, осмысление и интерпретация; как связаны диктуемый текст и диктующий; какие между всеми элементами схемы предполагаются отношения – словом, все то же самое минус оценки и предпочтения, получилась бы философия, а не wishful thinking. Философия – это такая схематизация схемы, которая на выходе дает жизнь уму. Выдавать жизнь за схему – наукообразие, схему за жизнь – софистика. Куда попадает доклад Павла Дмитриевича Тищенко в выбранной им модальности, судить, наверное, все-таки не мне. Но не могу отказать себе в удовольствии *предположить*.